УДК 82-522

М. А. Макотра

Интертекстуальность и риторическая структура пасхальной проповеди из сборника «Статир»

Аннотация. Статья посвящена анализу первого Слова рукописного сборника проповедей «Статир» «Поучение на преславный д(е)нь Воскр(е)с(е)ния Хр(и)ст(о)ва». Рассматриваются типичные и индивидуально-авторские механизмы отбора библейских интертекстов и их связь со средствами художественной выразительности проповеди. Демонстрируется, что проповедник руководствуется не только семантической, но и структурно-ритмической логикой, создавая целостный риторический конструкт.

Ключевые слова: *проповедь, «Статир», интертекстуальность, риторика, организация текста*

Для цитирования: *Макотра М. А.* Интертекстуальность и риторическая структура пасхальной проповеди из сборника «Статир» // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 398–404.

Сведения об авторе: Макотра Мария Андреевна — студент 3-го курса департамента «Филологический факультет» Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Российская Федерация, г. Екатеринбург). *E-mail: makotramaria@ya.ru*

Праздничная проповедь представляет собой сложно организованное риторическое произведение, чья эффективность напрямую зависит от его языковой архитектоники[1]. В XVII в. русская гомилетика, находясь под влиянием западноевропейской риторической традиции, усложняла композиционную структуру проповедей, стремясь не только к назидательности, но и к эстетическому воздействию[2]. «Поучение на преславный д(е)нь Воскр(е)с(е)ния Хр(и)ст(о)ва» из рукописного сборника проповедей конца XVII в. «Статир» (ОР РГБ. Ф. 256. № 411)[3] — яркий пример такого текста-конструкта.

Цель исследования — выявить закономерности построения проповеди, проанализировав логику отбора автором интертекстуальных элементов и их связь со средствами выразительности.

[1] *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 10, 248–249.

[2] *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 20.

[3] Публ. текста: *Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир»: сакральные образы и автор / 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2024. С. 201–204.

© М. А. Макотра, 2026

Автор активно использует библейские цитаты. Как отмечает Л. С. Соболева, он обращается к чужому слову не для заимствования, а исключительно «для блага проповеди, когда стиль и содержание цитаты „приличествоваху къ моему сложению“»[4]. Отсылки к Писанию можно разделить на три типа: 1) прямые, хотя часто неточные, цитаты; 2) парафразы; 3) контаминации фрагментов из разных книг.

Например, для описания ликования в начале проповеди используется цитата, отсылающая к псалму 117: «Днесь н(е)бо веселится, и земля радуется, и вся тварь свѣтло торжествуетъ. Дн(е)сь б(о)гоотецъ Д(а)в(и)д, веселяся, восклицаетъ и всю вселенную на преславное веселие созывает»[5]. Однако оригинальный текст псалма иной: «Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь» (Пс 117. 24). Автор производит значительную трансформацию: он конкретизирует абстрактный призыв к радости, распределяя его между конкретными субъектами («небо», «земля», «тварь», «Давид»). Это создает эффект всеобщности, делая его более доступным для восприятия паствы. Формальным признаком, определившим выбор именно этого псалма, оказывается его изначальная ритмическая и синтаксическая упорядоченность, которую проповедник усиливает, превращая цитату в развернутую анафору на «днесь».

Аналогичный прием наблюдается в использовании образности ветхозаветных пророчеств для описания сошествия Христа в ад. Цитата из Книги пророка Исаии «Врата мѣдныя сокрушити, и вереи желѣзныя сломити»[6] почти дословна («азъ предъ тобою пойду и горы уравню, врата мѣдяная сокрушу и вереи желѣзныя сломлю» (Ис 45. 2)). Ее выбор, вероятно, обусловлен не только семантикой победы над преградой, но и звуковым и ритмическим параллелизмом («медныя сокрушити» / «железныя сломити»). Эта фраза становится смысловым и формальным стержнем для последующего развертывания темы.

Напротив, при описании освобождения узников ада автор обращается к Книге пророка Исаии, но дает не точную цитату,

[4] *Соболева Л. С.* «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 337–368.

[5] *Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир»... С. 201.

[6] Там же.

а пространный парафраз: «И гл(агола)ше узникомъ: „Изыдите, и иже сущии во тмѣ открыйтеся. Азъ вы н(ы)нѣ приидохъ свободити, и властию Моего Б(о)ж(е)ства от узъ разрѣшити, и в свѣтъ ц(а)рьства Моего возвести“»[7]. Оригинал намного короче: «...глаголюща сущымъ во узахъ: изыдите, и сущымъ во тмѣ: открыйтеся» (Ис 49. 9). Проповедник расширяет цитату, вкладывая в уста Христа прямое объяснение цели Его появления в аду. Таким образом, выбор цитаты и степень ее точности определяются риторической задачей конкретного сегмента проповеди.

Эта задача, в свою очередь, обусловлена композиционной логикой текста, построенной в соответствии с традиционной христианской гомилетикой, предполагающей деление текста на четыре части: фему (библейскую цитату), эксордиум (вводную часть, обозначающую тему), наррацию (основное содержание с раскрытием темы), конклюзию (часть, содержащую обязательное нравоучение)[8]. Структура «Поучения на преславный д(е)нь Воскр(е)с(е)ния Хр(и)ст(о)ва» четко соответствует классической риторической схеме.

Функция библейской цитаты в Слове определяется ее позицией в композиционной структуре: от литургического освящения речевого пространства в феме — через логическое обоснование догматического тезиса в эксордиуме — к нарративной легитимации апокрифического сюжета в основной части проповеди. В конклюзии используются преимущественно цитаты, предполагающие призыв к подражанию Христу.

Особый интерес с точки зрения методики работы проповедника представляют случаи, когда используемый им фрагмент невозможно однозначно возвести к единственному источнику, так как он существует на стыке нескольких авторитетных текстов, образуя «сложный» или «гибридный» интертекст. Это свидетельствует не о случайной неточности, а о сознательной работе по созданию универсального и максимально насыщенного смыслами высказывания. Однако универсальность такого текста имеет четкие границы: она ограничена рамками канонического корпуса и экзегетической традиции конкретной аудитории.

[7] *Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир»... С. 201.

[8] *Галятовский И.* Ключ разумения. Киев, 1659.

Яркий пример — финал проповеди, воплощенный в триумфальном восклицании: «Гдѣ ти, см(е)рти жало; гдѣ ти, адъ, побѣда; н(ы)нѣ исчезе и погибе, и разрушися отнюдъ, и вся пуста сотворися»[9]. Прямой источник, указанный в сноске, — 1 Послание апостола Павла к Коринфянам: «Гдѣ ти, смерте, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда?» (1 Кор 15. 55). Однако проповедник не ограничивается цитированием апостола Павла. Он существенно развивает и драматизирует цитату, добавляя к риторическим вопросам целый каскад синонимичных глаголов, описывающих полное уничтожение врага: «...исчезе и погибе, и разрушися отнюдъ, и вся пуста сотворися». Эта развернутая формула куда ближе пафосом и структурой к текстам свт. Иоанна Златоуста, который в своих пасхальных гомилиях следуя за апостолом тут же провозглашает: «Воскрес Христос, и ты низвержена! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и нет ни одного мертвого во гробе!»[10]. Автор создает многослойную цитату-контаминацию: коринфский апогей пасхального догмата служит основой, которая наращивается за счет гомилетического предания, призванного усилить ликующую интонацию и создать у читателя впечатление тотальной победы. Выбор и преобразование именно этой цитаты демонстрируют стремление автора не просто процитировать Писание, но и инкорпорировать в текст энергию пасхального торжества златоустовского текста.

Прагматика использования таких сложных цитат заключается в их высокой усвояемости и ассоциативной насыщенности. Для искушенного слушателя, знакомого с Пасхальным каноном, они служат узнаваемыми маркерами, моментально вызывающими в памяти целый пласт святоотеческой мысли и литургической поэзии.

Уверенность, что цитаты из «Статира» были хорошо знакомы слушателям, основана на их активном использовании в литургической практике. Тексты, к которым обращается проповедник, звучали на Пасхальных утрене, Литургии и вечерне[11]. Важные для средств

[9] *Галятовский И.* Ключ разумения.

[10] *Иоанн Златоуст, свт.* Слово огласительное во святую Пасху // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1902. Т. VIII, кн. 2. С. 924.

[11] *Щепёткин А. В.* Структура древнерусского богослужения. Екатеринбург, 2025. С. 261–266.

выразительности, используемых автором, элементы, такие, как возгласы «Христос Воскресе» или «Веселитеся, небеса»[12], повторялись в течение праздника ежечасно. Благодаря такой насыщенности узнаваемыми образами проповедь создавала эффект живого диалога с аудиторией. Автор апеллировал к непосредственному литургическому опыту прихожан, превращая свое слово в осмысленное продолжение только что пережитого богослужения.

Такой подход возвышал проповедь над уровнем простого монолога, трансформируя ее в диалог с самой традицией. В нем автор выступал в роли внимательного составителя, отбирая и комбинируя уже устоявшиеся, наиболее яркие «цитаты-символы». Критерием для их выбора служил не просто формальный признак, а достигнутый в рамках традиции статус идеальной риторической формулы — лаконичной, не требующей доработки и гарантирующей максимальное воздействие на слушателя. Это воздействие было многоуровневым: оно пробуждало у слушателей эмоциональный отклик и чувство сопричастности, укрепляло их веру, сплачивало общину через узнавание общих символов и, наконец, помогало осмыслить и закрепить литургический опыт, превращая проповедь в ключевой элемент пасхального мироощущения.

Таким образом, интертексты в проповеди из сборника «Статир» не просто вкраплены в текст, а становятся элементами более крупных риторических структур. Наиболее значимы здесь анафора, синтаксический параллелизм и антитеза.

1. Анафора служит для создания литургического ритма и нагнетания эмоционального напряжения. Например, ключевая анафорическая конструкция «Христос Воскресе», к которой обращается автор в финале проповеди, порождает развернутый ряд, где каждое последующее предложение раскрывает новый аспект спасительного события: «Хр(и)ст(о)съ Воскресе, совостайте, Хр(и)ст(о)съ из гроба свободитеся от узъ грѣха: Хр(и)ст(о)съ Воскресе — ангелы радуются; Хр(и)ст(о)съ Воскресе — н(е)б(е)са веселятся; Хр(и)ст(о)съ Воскресе — земля обновляется; Хр(и)ст(о)съ Воскресе — райския двери отверзаются, и пламенное оружие отступаетъ, разбойникъ — первый гражданинъ рая бываетъ»[13]. Эта структура позволяет автору

[12] *Щепёткин А. В.* Структура древнерусского богослужения. С. 147.

[13] *Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир»... С. 204.

охватить всю вселенную — от ангелов до разбойника — в едином порыве ликования.

2. Синтаксический параллелизм тесно связан с анафорой и часто работает с ней в паре. Он организует текст, делая его логику ясной и запоминающейся. Ярчайший пример — «Вчера сраспинахся Христу, днесь сопрославимся, / вчерасъ соумерщвяхомся, днесь сооживемъ, / вчера спогребохомся, днесь совоскреснемъ»[14]. Здесь параллелизм служит основой для антитезы «вчера/днесь», которая маркирует решающий рубеж в истории человечества.

3. Антитеза — центральный идеологический и композиционный приемы. Она реализует основную богословскую идею Пасхи — победу жизни над смертью. Эта оппозиция разворачивается в пространные ряды: «...от тмы — на свѣтъ, от см(е)рти — в бесконечный животъ, от мучителства адова — в свободное ц(а)рьство Свое, от работы вражия — в с(ы)новство Б(о)жие»[15].

Интертексты и средства выразительности не просто сосуществуют в тексте, а находятся в отношении взаимной обусловленности. Например, потребность выстроить крупную риторическую фигуру диктует поиск и отбор подходящих цитат. Чтобы создать мощный синтаксический параллелизм «к немошным — крѣпкий, к болящимъ — врачъ, к плѣнникомъ — свободитель, к сѣдящимъ во тмѣ см(е)ртнѣй — просвѣтитель[16], к м(е)ртвыхъ — животъ б(ес)смертный»[17], автор актуализирует различные образы Христа из Евангелий и текстов пророков, «упаковывая» их в единую, ритмически выверенную формулу.

Проповедник выбирает цитату, которая обладает наибольшим конструктивным потенциалом для решения текущей риторической задачи. Она должна не просто сообщать смысл, но работать в общей звуковой и синтаксической ткани проповеди, усиливая ее эмоциональное и мобилизующее воздействие. Таким образом, формальные свойства текста неотделимы от его содержания и прагматики, что является элементом высокого гомилетического искусства. Кроме того,

[14] *Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир»... С. 204.

[15] Там же. С. 202.

[16] В оригинале: «во тмѣ см(е)ртнѣй просвѣтитель», у Л. С. Соболевой: «во тмѣ — см(е)ртный просвѣтитель». — *Прим. Ред.*

[17] Там же. С. 203.

на примере сборника «Статир» можно говорить о том, что потенциал развития жанра проповеди строится именно на этом принципе сознательного наследования традиции с ее творческим приращением: авторы не просто копируют образцы прошлого, но, усваивая их риторическую логику и технику работы с авторитетным словом, адаптируют их для решения новых идеологических задач, расширяя как тематический репертуар, так и выразительные возможности гомилетики.

Источники и литература

Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. EDN VNNEPX

Галятовский И. Ключ разумения. Киев, 1659.

Иоанн Златоуст, свт. Слово огласительное во святую Пасху // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1902. Т. VIII, кн. 2. С. 923–924.

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

Соболева Л. С. «Предсказание» из рукописного сборника поучений «Статир»: автор и читатель в переходную эпоху // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (31). С. 337–368. http://doi.org/10.24411/2224-5391-2020-10315; EDN GYEUAB

Соболева Л. С. Сборник проповедей XVII века «Статир»: сакральные образы и автор. Екатеринбург, 2024. EDN NOWAKK

Щепёткин А. В. Структура древнерусского богослужения. Екатеринбург, 2025. EDN TZDAAC

Maria A. Makotra

Intertextuality and Rhetorical Structure of the Easter Sermon from the "Statir" Collection

Abstract. The article is devoted to the analysis of the first Word from the manuscript collection of homilies "Statir" named The Sermon on the Most Glorious Day of the Resurrection of Christ. Typical and individual authorial mechanisms of selecting biblical intertexts and their connection with the means of artistic expression of the Sermon are examined. It is demonstrated that the preacher is guided not only by semantic but also by structural-rhythmic logic, creating a holistic rhetorical construct.

Keywords: *Sermon, "Statir", intertextuality, rhetoric, text organization*

For citation: Makotra M. A. Intertextuality and Rhetorical Structure of the Easter Sermon from the "Statir" Collection. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia = Church. Theology. History,* 2026, no. 7, pp. 398–404. (In Russ.)

About the author: Makotra, Maria Andreevna — 3rd-year student at the Department of Philology of the Ural Institute of Humanities, B. N. Yeltsin Ural Federal University (Russian Federation, Ekaterinburg). *E-mail: makotramaria@ya.ru*